

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 25, Is. 3, pp. 120–128, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-25-3-120-128
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.33

On the Case Paradigm in “The Story of Prince Manibhadra” – a Monument of Mongolian Translated Literature of the 17th–18th centuries

Saglara V. Mirzaeva¹

¹ Post-graduate Student, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kundgabo@list.ru.

Abstract

The article describes the case paradigm of Classical Mongolian with evidence from Mongolian texts of “The Story of Prince Manibhadra” — a well-known monument of Buddhist translated literature of the 17th–18th centuries. “The Story...” originates from the Sanskrit Jataka story of Prince Sudhana translated into Tibetan and then into Mongolian as part of several Buddhist collections of Jataka and Avadana tales. Due to its intriguing plot, the story also existed in the form of separate manuscripts and, moreover, became widespread within the oral tradition of Mongolian peoples. Six texts written in Mongolian script were analyzed: five manuscript texts of “The Story...” and one text from the woodblock-print edition of the Kangyur (all of them stored in the archives of Saint Petersburg and Ulaanbaatar). With evidence from the mentioned texts, the paper considers the case paradigm of Classical Mongolian which includes nine cases as follows: the nominative, genitive, accusative, dative-locative, locative, instrumental, ablative, comitative and connective ones. The basic meanings and syntactic functions of the cases along with corresponding examples from the texts are described. Some peculiarities of the use of the cases in the texts under consideration are examined. In particular, the canonical text of “The Story...” from the woodblock-print edition of the Kangyur is characterized by the use of the similar genitive and accusative cases’ formants *-i* typical for texts of earlier periods, as well as the archaic dative-locative formant *-da / ta*; the locative case is also widely represented in the text while it is not that common in Classical Mongolian. Due to the examples it can be concluded that the text of the woodblock-print edition had been compiled prior to the other applied texts, most probably at the turn of the 16th–17th centuries when the actual norms of Classical Mongolian were being established. Additionally, the paper contains examples from the texts of “The Story...” which are translations from Tibetan and provide insight into the method of word-for-word translation applied by Mongolian specialists, namely, adherence to Tibetan syntax and morphology. For example, the instrumental particle *-bar / -ber* — like the Tibetan particle *-kyis* — accompanies the subject within a text which is not typical for Mongolian. Moreover, one of the texts contains a combination of the verb ‘*qayacaqu*’ (‘to part from’) and the comitative indicator *-luγ-a* which could also be characterized as an attempt to adhere to the original text (in Tibetan the verb ‘*bral ba*’ requires an addition of the conjunction ‘*dang*’) — while according to the norms of Mongolian grammar the ablative formant *-aca* was to be applied.

Keywords: Mongolian medieval literature, story, prince Manibhadra, paradigm, cases.

«Повесть о царевице Манибадре» — один из памятников монгольской переводной литературы XVII–XVIII вв. Ее санскритским оригиналом является «Джатака о царевице Судхане», которая была включена в состав нескольких буддийских сборников *джатак* и *авадан* и переведена на тибетский, а затем и на монгольский языки. Помимо переводов с санскрита, сохранившихся в сборниках буддийского канона — Кангюре и Тенгюре, до нас дошли и другие письменные версии, составленные тибетскими авторами, такими как третий Кармапа Ранджунг Дордже (тиб. *Rang byung rdo rje*) (1284–1339) и писатель XVIII в. Церинг Вангду (тиб. *Tshe ring dbang 'dus*). Джатака о царевице Судхане стала известна в монгольской литературе как «Повесть о царевице Манибадре». Она получила большое распространение как в письменной, так и в устной традиции монгольских народов. Перечень монгольских и ойратских версий «Повести...» дан нами в одной из предыдущих статей [Мирзаева 2014].

В данной статье мы попытаемся описать особенности употребления падежных формантов и некоторые синтаксические функции падежей в языке монгольских версий памятника. Для анализа нами привлечены пять рукописных версий «Повести о царевице Манибадре» и один текст из монгольского ксилографического Ганджура, напечатанного фототипическим способом и изданного в серии «Шата-питака»:

1. *Manibadari qan köbegün tuγuǰi orosiba* ('Повесть о царевице Манибадари'). Монгольская рукопись, 20 лл., хранится в рукописном фонде библиотеки восточного факультета СПбГУ (далее — РФ ВФ).

2. *Mani bhadra qan köbegün-ü tuγuǰi orošibai* ('Повесть о царевице Манибадре'). Монгольская рукопись, 23 лл., хранится в доме-музее Ц. Дамдинсурэна (далее — ДМД1).

3. (Первый лист отсутствует) <...> *qayan-u jarliγ činglejü linqua-tu naγur kemekü bölüge* (<...> Слушали приказы царя. [Там] было лotosовое озеро). Монгольская рукопись, 20 лл., хранится в доме-музее Ц. Дамдинсурэна (далее — ДМД2).

4. *Manibadara qan köbegün Manihri qatun qoyarun tuγuǰi-yi orošiyulbai* ('Повесть о царевице Манибадара и госпоже Манихри'). Монгольская рукопись, 46 лл., хранится в библиотеке Института языка и литературы АН Монголии (далее — ИЯЛ).

5. *Kürdü orčiyuluyči qayan Norson kümün-ü yirtinčü-yin oron-du qubilyan qatun Idbrogma-luy-a qoosa niyilegsen čadig orosiba* ('Джатака о том, как чакравартин — царевиц Норсан встретился в мире людей с госпожой Идпрогмой'). Монгольская рукопись в составе сборника, лл. 1a–8b, хранится в Монгольской Национальной библиотеке (далее — МНБ).

6. *Manibadra qayan-u tuγuǰi* ('Повесть о царевице Манибадре'). Ксилографический Ганджур, раздел Виная (монг. *Notuγadqaqu-yin šitügen*), сс. 582 (194 т.) – 26 (195 т.), хранится в библиотеке восточного факультета СПбГУ (далее — КГ).

В рассмотренных нами текстах падежная парадигма представлена девятью падежами: именительным, родительным, винительным, дательно-местным, местным, орудным, исходным, совместным и соединительным падежами.

Как правило, в монгольском языке форма именительного падежа совпадает с основой слова, различия видны лишь в именах с неустойчивым *-n*. В подобных случаях именительный падеж совпадает с полной основой: *naran γarqui čaγ-tur: tere luus-un qayan ireged: jiyasuči-dur öggülerün* 'Когда взошло солнце, пришел тот царь нагов и сказал рыбаку' [РФ ВФ: f. 5a]. Основная функция этого падежа — выражение подлежащего: *bayan luus-un qayan jöng bilig-iyer medejü eyin sedkibei* 'Богатый царь нагов, узнав с помощью ясновидения, подумал так' [ДМД1: f. 3b], *nigen tarniči kümün tüsimel-ün dergede odduyad bi-ber abčiraγu čidaqu bolai* <...> *kemeged* 'Один заклинатель, придя к министрам, сказал: «Я смогу его привести»' [МНБ: f. 2a]. Этот падеж может оформлять в предложении именную часть сказуемого: *bi naγurun jiyasun-ni abču idegči görügeči bölüge* 'Я — охотник, питающийся рыбой из озера' [ДМД2: f. 3a].

В классическом монгольском языке показатели родительного падежа — *-u/-ü* после основ, заканчивающихся на *-n*: *üsün-ü* 'волос', *jaγan-u* 'слона'; *-un/-ün* — после основ, оканчивающихся на другие согласные: *nom-un* 'Учения', *mal-un* 'скота'; и *-yin* — после основ, заканчивающихся на гласный: *eke-yin* 'матери', *udumbar-a-yin* 'цветка удумбара', *tarni-yin* 'заклинания'. Помимо указанных формантов, в текстах «Повести...» встречаются архаичные форманты *-i* и *-ni*, совпадающие с аналогичными пока-

зателями винительного падежа, о генетической связи которых высказывались некоторые ученые [Санжеев 1953; Цыдендамбаев 1972; Орловская 2000]: *ḡayan-i ger* ‘Хастинапура (букв. ‘дом слонов’)’ [КГ: 582] вместо *ḡayan-u ger*, *ḡayaḡayan-i* ‘судьбы’ [ИЯЛ: 26b] вместо *ḡayaḡayan-u*, *egün-i* ‘его’ [ДМД2: f. 18a] вместо *egün-ü*. Т. А. Бертагаев считает, что показатели родительного и винительного падежей восходят к одной праформе, сопоставляемой им с личным местоимением 3-го лица [Бертагаев 1964: 42].

Наиболее частое использование показателя родительного падежа *-i* зафиксировано в тексте КГ, входящем в состав Ганджура, который был переведен на монгольский язык во время правления Лигдан-хана в 1628–1629 гг.:

edüge toroyči egün-i siltayan anu yaḡun bui
‘В чем причина того, что сейчас скитаешься?’ [КГ: 6];

tarniči teyimü nigen kümün-i ḡar-tur tere altan-i talbiḡad <...> ḡayan-u ger neretü balyasun-dur odbai ‘Заклинатель отдал то золото в руки такому одному человеку и отправился в город под названием Хастинапура (Дом слонов)’ [КГ: 586].

Показатель родительного падежа *-ni*, используемый после основ, заканчивающихся на *-n*, встречается в текстах ДМД1, ДМД2, ИЯЛ: *qabangḡu ebečün-iyer üküḡsen kümün-ni gabala* ‘череп человека, умершего от водянки’ [ДМД1: f. 3b]; *nigen nigen-ni oyun-dur oruḡsan er-e em-e* ‘мужчина и женщина, влюбленные друг в друга (букв. вошедшие в ум)’ [ДМД2: f. 13a]; *kümün-ni ökid-eče doloyan qubi-yin tedüi ülemḡi okin* ‘девы, которые превосходят по красоте человеческих девушек в семь раз’ [ИЯЛ: f. 12a]. М. Н. Орловская пишет о том, что в XVII в. форманты родительного и винительного падежей «еще четко не разграничивались и могли заменять друг друга» [Орловская 1984: 28].

Основная функция этого падежа — обозначение принадлежности: *arayatan-u ayul-ača ibegemüi* ‘спасет от опасности животных’ [РФ ВФ: f. 12b], *ḡayan-u ordu qarši-du irebei* ‘пришел во дворец хана’ [ДМД1: f. 3a]. Другие семантические значения, встречающиеся в «Повести...»: родительный превосходства (*kümün-ü degedü* ‘высшие из людей’), родительный выделительный (*tere qoyar-un nigen* ‘один из тех двух’), родительный

назначения (*naḡadum-un oron* ‘место для праздника’), родительный принадлежности (*luus-un ḡayan* ‘царь нагов’), родительный целого (*nidün-ü čečegei* ‘радужка глаза’), родительный времени (*ebül-ün čay* ‘период зимы’), родительный места (*umar-a жүḡ-ün Bančala* ‘северная Панчала’), родительный субъекта (*ökid-ün dayun* ‘голоса девушек’), родительный объекта (*qulyai-yin teregülüḡči* ‘возглавляющий кражу’), родительный процессного признака (*bütüḡegeküi-yin čay-tu* ‘во время исполнения’).

В текстах памятника встречаются примеры, в которых родительным падежом оформляется подлежащее в причастно-определяющих конструкциях: *arsı-yin жүḡaysan-iyar oluḡsan bolai* ‘нашел [согласно] тому, что указал отшельник’ [МНБ: f. 6b]. Кроме того, следует отметить, что в некоторых текстах «Повести о царевице Манибадре» отсутствует различие в использовании формантов родительного падежа после разных основ. Так, например, после основы на гласный может употребляться как формант *-yin*, так и формант для основ на другие согласные *-un/ün* и наоборот: *iledte tere yeke naḡur-a-un dotora anu: bayan luusad-un ḡayan bui bölüḡe* ‘Очевидно, в том великом озере живет богатый царь нагов’ [ШУА: f. 4a]; *adalidqasi ügei ḡayan nom-yin törü-yi tedküjü* ‘Несравненный хан покровительствовал власти Учения’ [ДМД1: f. 2b].

Кроме того, родительным падежом управляют некоторые послелогои *emün-e* ‘до, перед’, *qoyin-a* ‘после, за’, *deger-e* ‘на’, *dergedе* ‘рядом с’, *dotor-a* ‘внутри, в’, *tula* ‘для, ради’:

Manohari-yi ḡalajı ḡayan-u emüne odču
‘Пригласив Манохари, отправился к царю’ [ДМД1: f. 11a];

Edüḡe bi <...> Manohari-yin qoyina-ača erin odqu bui bi ‘Сейчас я отправлюсь на поиски вслед за Манохари’ [РФ ВФ: f. 14a];

tengdeče Idburugma ečige ḡayan-u dergedе očiḡad öčir-ün ‘Тогда Манохари, отправившись к отцу-хану, сказала’ [МНБ: f. 7b];

ordu qarši-yin dotora <...> olan жүil-ün erdeni ergübei ‘[Он] поднес драгоценности многих разновидностей во дворце’ [ИЯЛ: f. 10b];

tere metü ökid anu sara бүri-yin sayin edür-tü uḡiyaqui-yin tula iremüi ‘Девуш-

ки, подобные тем, приходят в благой день каждого месяца, чтобы совершить омовение» [ДМД2: f. 6a].

Показатели винительного падежа — *-i* после основ, заканчивающихся на согласный: *erdem-i* ‘достоинства’, *altan-i* ‘золото’, *köbegün-i* ‘мальчика’; и *-yi* после основ, заканчивающихся на гласный: *erdeni-yi* ‘драгоценность’, *üge-yi* ‘слово’, *üjemer-i-yi* ‘представление’. Помимо перечисленных показателей винительного падежа, во всех текстах, кроме текстов КГ и МНБ, встречается формант *-ni* после основ на *-n*: *qayān-ni* ‘хана’, *köbegün-ni* ‘сына’, *saran-ni* ‘месяц’, *qadasun-ni* ‘гвоздь’.

В рассматриваемом материале также встречается более характерный для древних текстов неоформленный падеж, который может употребляться вместо винительного и дательного-местного падежей. М. Н. Орловская называет его неоформленным винительным падежом [Орловская 1984: 28], С. М. Трофимова — именительным с нулевым показателем [Трофимова 2009: 112]. При использовании данного падежа объектные отношения в предложении выражаются простым соположением, когда имя и глагол составляют единый комплекс, не требующий падежных показателей [Орловская 1999: 43]: *idegen erikü* ‘искать еду’, *usun abqu* ‘набирать воду’, *yar kürkü* ‘дотрагиваться’. Этим падежом оформляются так называемые «субстантивные аффиксальные прилагательные» [Трофимова 2009: 205], обозначающие признак по материалу, например, *čilaγun jayān* ‘каменный слон’; *temür aluq-a* ‘железный молоток’.

Винительным падежом в предложении выражается прямое дополнение. Кроме того, с помощью форм винительного падежа выражается субъект в причастно-определительных и деепричастных конструкциях: *čečegleg ba süm-e kiged čičaran ebderegsen-i üjebei* ‘Увидел, как были разрушены и опустошены сады, храмы и прочие [сооружения]’ [КГ: 583]; *qan köbegün-ü idi // erdem-i yeke-yin tulada* ‘Поскольку ловкость и смекалка царевича были выдающимися» [РФ ВФ: f. 16a].

В текстах «Повести о царевиче Манибадре» встречаются также безлично-притяжательные показатели винительного падежа *-ban / -ben* после основ, заканчивающихся на гласные и *-n*, и *-iyan / -iye* после основ на другие согласные: *temür qadasun-ban*

siγayad ‘вбив свои железные гвозди» [РФ ВФ: f. 4b]; *čirai-ban baruyilyaγu* ‘закручившись (букв. ‘потемнев лицом’)» [РФ ВФ: f. 10a]; *öber-ün oron-iyān tebčiged* ‘покинув свою страну» [КГ: 583]; *sedkil-iye* *čökürejü* ‘упав духом» [ДМД1: f. 3b].

Форманты дательного-местного падежа — *-dur / -dür* после слов с конечным гласным или согласными *-l*, *-m*, *-n*, после основ, заканчивающихся на другие согласные, — *-tur / -tür*, а также их более поздние усеченные формы *-du / -dū* и *-tu / -tü*. Кроме того, в классическом монгольском языке раннего периода встречается показатель *-da / -de* и *-ta / -te*, по вопросу происхождения которого мнения монголоведов разнятся: Г. Д. Санжеев считает этот формант усеченной и соответственно более поздней формой *-dur / -tur* [Санжеев 1953: 167], М. Н. Орловская же делает предположение, что «*-da / -ta* — весьма древняя параллельная с *-dur / -tur* морфема, возникшая в монгольских языках, видимо, в результате заимствования из древнетюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на *-da / -de*» [Орловская 1999: 46]. Нами выявлено несколько случаев употребления данного показателя в тексте КГ: *Sayin ed-tü köbegün tačiyangγui salm-a-da bariγdaγu* ‘Юноша [по имени] «[Обладающий] благим богатством» был схвачен арканом страсти» [Г1: 600]; *tere darui-da Mano hari oγtarγui-dur nisčü silüglen ögüler-ün* ‘После того Манохари взлетела в небо и произнесла стихи» [Г1: 11]; *tende tere darui-da alqul-iyar oduγsan-dur* ‘Когда после того шел медленно там» [КГ: 25]. В тексте ДМД1 отмечены два случая использования его в качестве суффикса для образования наречий (*ürgülji-de* ‘постоянно» [ДМД1: f. 19b]; *maši-da* ‘очень» [ДМД1: f. 15b]). В других текстах «Повести...» этот формант не встречается.

Дательный-местный падеж обозначает место, направление, адресата действия, время, причину, цель:

Manu hari-luy-a qamtu jayān-u ger-ün balyad-dur orubai ‘Вместе с Манохари вошел в город Хастинапуру» [Г1: 27];

erte urida Bančala neretü ulus-dur qoyar qayān törölüge ‘Давным-давно в стране под названием Панчала появилось два хана» [КГ: 582];

tegünü dergede γurban čay-tur očiγad ‘Придя к нему три раза» [МНБ: f. 3a].

Помимо перечисленных формантов, в классическом монгольском языке есть безлично-притяжательные формы дательного-местного падежа — *-dayan / -taγan* и *-dur-iyān / -tur-iyān*, которые встречаются в текстах «Повести о царевице Манибадре»:

ečige eke-degen ögüler-ün ‘Сказал своим родителям’ [КГ: 590];

γaγar-dayan oduγsan bölüge ‘Отправилась в свою страну’ [ДМД2: f. 14a];

γayan-u ger-ün balyad-dur-iyān kürbei ‘Достиг своего города Хастинапуры’ [КГ: 26];

nigen nigen-dür-iyen qoor ülü kürgeyü ‘Не причиняют вреда друг другу’ [ДМД1: f. 14b].

Показатели местного падежа, характерные для древнемонгольского [Орловская 1984: 32] и классического монгольского языка раннего периода [Санжеев 1953: 168], — *-a / -e*, присоединившиеся к основам на согласные: *-d, -γ, -l, -n, -r, -s* [Орловская 1999: 44]. Г. Й. Рамстедт отмечал, что этот падеж уже на очень раннем этапе стал архаичным [Рамстедт 1957: 39]. В современном монгольском языке он используется только в локативном значении с основами на *-n*: *тайзнаа* ‘на сцене’, *баруунаа* ‘к западу’ [Орловская 1984: 36–37].

С помощью этого падежа выражаются косвенные дополнения и обстоятельства цели, причины, места и времени, образа действия:

tere-ber Kinari-yin nigen ökin-ü qumqan-dur medegdel ügegü-e kijü tere ökin-e ögüler-ün ‘Он, поместив [кольцо] незаметно в сосуд одной из дев киннари, сказал той девушке’ [КГ: 23];

tegün-e gergei-yin kereg-tür ögkü bolai ‘Он решил отдать ему в качестве жены’ [КГ: 24];

tendeče Mani badr-a köbegün-e ögüler-ün ‘Тогда сказал юноше Манибадре’ [КГ: 25];

tere metü okid saraburi-yin sayin edür-e ugiyaqu-yin tulada iremüi ‘Подобные девушки прибывают в благоприятный день, чтобы совершить омовение’ [ИЯЛ: f. 13b].

В текстах «Повести о царевице Манибадре» местный падеж используется в причастных обстоятельственных оборотах, где обозначенное причастием действие относится к прошлому, хотя обычно в оборотах

такого типа в классическом монгольском языке используется дательного-местного падеж:

qayan tere yaγuu bui kemegsen-e tüsimel ögülerün ‘Когда хан сказал: «Что это?», министр сказал’ [МНБ: f. 4b];

tegün-ni bariqui aγ-a anu tusatu čalam erdeni ba öber-e-iyen бүтүгсен čalam tegün-ni olbasu bariju bolumui kemegsen-e: görügeči eyin sedkir-ün ‘Когда он сказал: «Что касается способа поймать ее, ее возможно поймать, если ты найдешь драгоценный аркан, приносящий пользу, и самовозникший аркан», — охотник подумал так’ [ИЯЛ: f. 14b].

Наиболее часто местный падеж используется в тексте КГ; единичные примеры встречаются в текстах МНБ, ИЯЛ и ДМД2.

Форманты орудного падежа — *-bar / -ber* после основ на гласные и *-iyar / -iyer* после основ на согласные. Орудным падежом в предложении оформляется подлежащее. В текстах представлены следующие значения: орудный материала (*molor erdeni-ber бүтүгсен* ‘сделанный из хрусталя’), орудный превращения (*tüsimed-iyer yaγuču bolγaγu* ‘назначив министров сватами’), собственно-орудный (*alūq-a-bar čokijū* ‘ударив молотком’), орудный вынужденного субъекта (*ökid-iyer küriyelegüljü* ‘окружив девушками’), орудный места (*oytarγui-bar nisču* ‘летя по небу’), орудный цены (*kedüi-ber* ‘за сколько’), орудный причины (*usun-u adistid-iyar* ‘благодаря благословию водоема’), орудный образа действия (*ünen-iyer* ‘правдиво’; *čimege ügei-ber* ‘безмолвно’), орудный качественного объекта (*ed tavar-iyar takijū* ‘почитая имуществом’).

Орудный падеж используется в причастных и временных причастных конструкциях: *luus-un qayan ügei aγsan-iyar bidan-u maγu boluγsan siltayan tere bui-j-a* ‘Поскольку [у нас] не было царя нагов, в этом и была причина нашего неблагополучия’ [РФ ВФ: f. 2b]; *γayun naiman em-e naγur-tur orkiγsan-iyar: minu ebečin ügei bolumui* ‘Когда бросишь в озеро сто восемь лекарств, моя болезнь пройдет’ [РФ ВФ: f. 3b].

Кроме того, следует отметить, что в текстах КГ и МНБ, являющихся переводами с тибетского, часто встречаются показатели орудного падежа, оформляющие подлежащее в предложении, в чем можно усмотреть следование грамматическому строю тибетского языка: *Idburugma-bar sonosuyad* ‘Ид-

прогма услышала' [МНБ: f. 5a]; *qayan-bar üjged* 'хан, увидев,' [КГ: 598]; *biraman-bar sedkir-ün* 'брахман подумал' [КГ: 5].

Показатели исходного падежа в классическом монгольском языке — *-ača / -eče*. Основные семантические значения, встречающиеся в текстах «Повести о царевице Манибадре» следующие: исходный пункт отправления (*oytaryui-ača irejü* 'придя с неба'); лицо или место, у которого или откуда что-либо изымается (*ene oron-ača abubasu* 'если взять из этого места'); лицо, у которого о чем-либо спрашивают (*arsī-ača asayūsan-dur* 'когда спросили у отшельника'); лицо как источник чего-либо (*arsī-ača sonosbau* 'слышал ли от отшельника?'); целое, от которого берется часть (*usun-ača uūūjü* 'отпив из водоема'); отставание, удаление от кого- (чего-)либо (*bügüde-eče qayačaju* 'расставшись со всеми'); лицо или предмет, с которым сравнивается что-либо (*kümün-ü ökid-eče doloγan tedüi ülemji ökid* 'девушки, которые прекраснее человеческих девушек в семь раз'); изначальный момент действия (*ene edür-eče ekilejü* 'начиная с этого дня'); место приложения действия (*üsün-eče nočon bariγad* 'схватив за волосы'; *γar-ača bariγsan-dur* 'когда взял за руку'). Кроме того, исходным падежом управляют некоторые глаголы: *ayuqu* 'бояться' (*amiduraγčīn-ača bida ayuγad* 'мы, испугавшись тех, кто живет [там]'), *dayaqu* 'следовать' (*qoyina-ača dayaju* 'следую позади'), *qayačaqu* 'расстаться' (*kiling-eče qayačaju* 'освободившись (букв. расставшись) от гнева') и т. д. Стоит отметить, что в тексте КГ встречается пример, в котором с глаголом *qayačaqu* 'расстаться' сочетается форма совместного падежа, в чем проявляется следование синтаксису тибетского языка: *ečige eke-lüge qayačaysan-ača boluysan jobalang* 'страдание, возникшее от того, что расстался с родителями' [КГ: 26].

Исходный падеж встречается в причастных конструкциях причины и времени: *qoyar biraman bitün yabuysayar iregsen-eče tegün-dür nige inu qayan-dur sitübei* 'После того как два брахмана бродили, скитаясь, один из них обрел опору в царе' [КГ: 3]; *jobalang boluysan-ača biber öggülüge* 'Поскольку [это] стало [причиной] страдания, я рассказал' [КГ: 15].

Форманты совместного падежа *-luγa / -lüge* обозначают предмет, вместе с которым другой предмет совершает действие или находится в одинаковом состоя-

нии: Г. Д. Санжеев считает, что этот показатель состоит из элемента *-lu / -lü*, входящего в состав многих падежных формантов в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, и элемента *-γa / -ge*, являющегося показателем местного падежа [Санжеев 1953: 174]. В текстах «Повести о царевице Манибадре» совместным падежом управляют глаголы *tegüskü* 'преисполниться', *naviralduqu* 'соединяться', *ayuljaqu* 'встречаться' и послелоги *qamtu (nigen-e)* 'вместе', *selte* 'вместе', *oyir-a* 'рядом', *adali* 'будто': *oyun-luγ-a tegüsügsen* 'преисполненный мудрости' [КГ: 8]; *erdem-lüge tegüskü* [КГ: 15] 'исполниться достоинств'; *nom-luγ-a naviraldun* [РФ ВФ: f. 15b] 'соответствуя Учению'; *ečige-luγ-a ayuljaqu* [ДМД2: f. 18a] 'встретиться с отцом'; *qamtu nökör-luγ-a qamtu nigen-e* [ДМД1: f. 4b] 'вместе со всеми друзьями'; *julγayan-luγ-a selte* [РФ ВФ: f. 12a] 'вместе с детенышами'; *tere nayur-un kijayar-luγ-a oyir-a* [КГ: 598] 'возле границ того озера'; *uridaki tarniči-luγ-a adali* [РФ ВФ: f. 7a] 'подобно прежнему заклинателю'.

Форманты соединительного падежа — *-tai / -tei, -tu / -tü*. Основные семантические значения этого падежа: обозначение лица или предмета, вместе с которым осуществляется действие: *čereg-tei yabuqu* 'отправиться с войском'; *arsī-tai qamtu dayaju* 'следую вместе с отшельником'; обозначение лица и предмета, которым обладает другое лицо или предмет: *jiryalang-tai* 'наделенный счастьем'; *dörben üy-e-tei* 'с четырьмя ступеньками'; *sayin ayali-tu* 'с хорошим характером'; *uqayan bilig-tü* 'наделенный мудростью'. В тексте ДМД1 содержится один пример сочетания формы совместного падежа с глаголом *qayačaqu* 'расставаться': *qara sedkil-tü kümün-ni ursiy-tu qayačaju* 'расставшись с грехами злонамеренных людей' [ДМД1: f. 17a].

Таким образом, мы описали форманты девяти падежей монгольского классического языка, встречающиеся в текстах «Повести о царевице Манибадре». Для текста КГ, составленного до 1628–1629 гг., характерны следующие особенности, присущие древним монгольским текстам: употребление форманта *-i* родительного падежа, форманта *-da / -de* дательно-местного падежа и широкое использование местного падежа. Единичные примеры описанных явлений в текстах РФ ВФ, ДМД1, ДМД2, ИЯЛ, МНБ дают нам возможность сделать вывод, что они составлены позже текста КГ. В тек-

стах КГ и МНБ, переведенных с тибетского языка, отмечается следование тибетскому синтаксису и морфологии, в частности, использование формы орудного падежа для оформления подлежащего, а также формы совместного падежа в сочетании с глаголом *qayučaqui* 'расставаться', тогда как в монгольском языке этот глагол требует форму исходного падежа.

Источники

КГ — Manibadra qayan-u tuyujı = Повесть о царе-вике Манибадре. Nomuyadqaqu-yin sitügen. Šata-pitaka series. Indo-Asian literatures. Vol. 194–195. Pp. 582 (Vol. 194) — 26 (Vol. 195). New Delhi, 1979.

РФ ВФ — Manibadari qan köbegün tuyujı orosiba = Повесть о царе-вике Манибадари. Рук. на монгольском языке, хранится в Рукописном фонде Научной библиотеки Восточного фак-та СПбГУ. Шифр Mong E44. Инв. № 693. Лл. 1–20а.

ДМД1 — Mani bhadra qan köbegün-ü tayujı orošibai = Повесть о царе-вике Манибадре. Рук. на монгольском языке, хранится в доме-музее Ц. Дамдинсурэна. Шифр А5–82 (МН–576). 23 л.

ДМД2 — (Первый лист отсутствует) <...> qayan-u jarliy činglejü linqua-tu nayur kemekü bölüge = <...> Слушали приказы царя. [Там] было лotosовое озеро. Рук. на монгольском языке, хранится в музее-квартире Ц. Дамдинсурэна. Шифр Ш1–34 (МН–207). 20 л.

ИЯЛ — Manibadara qan köbegün Manihri qatun qoyarun tuyujı-yı orošiyulbai = Повесть о царе-вике Манибадара и госпоже Манихри. Рук. на монгольском языке, хранится в библиотеке Института языка и литературы АН Монголии. Инв. № 538. 46 л.

МНБ — Kürdü orčiyuluyči qayan Norson kümün-ü yirtinčü-yin oron-du qubilyan qatun Idbrogmaluγ-a qoosa niyilegsen čadig orosiba = Джатака о том, как чакравартин — царе-вик Норсан встретился в мире людей с госпожой Ид-прогмой. Рук. на монгольском языке, в составе сборника, хранится в Монгольской Национальной библиотеке. Шифр 895.4, Н.749.5. Лл. 1а–8б.

Литература

Бертагаев Т. А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 83. Монголо-ведение и тюркология. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 41–45.

Мирзаева С. В. О круге монгольских и ойратских версий «Повести о царе-вике Манибадре» // Монголо-ведение. Вып. № 7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 89–97.

Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: ГРВЛ, Наука, 1984. 236 с.

Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 182 с.

Рамстедт Г. Й. Введение в алтайское языкознание: морфология / Г. Й. Рамстедт; обраб. и изд. Пентти Аалто; пер. с нем. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 253 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Трофимова С. М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Sources

KG — *Ksilograficheskij Gandzhur. Razdel Vinaja (in Mong. 'Nomuyadqaqu-yin sitügen')* [A woodblock-print edition of the Kangyur]. *Manibadra qayan-u tuyujı* [The story of prince Manibhadra]. Šata-pitaka series. Indo-Asian literatures. New Delhi, 1979, vol. 194–195, pp. 582 (vol. 194)–26 (vol. 195) (In Mong.).

RF VF — *Rukopisnyj fond biblioteki vostochnogo fakul'teta SPbGU* [The Manuscript Fund of the Research Library of the Faculty of Oriental Studies of Saint Petersburg State University]. *Manibadari qan köbegün tuyujı orosiba* [The story of prince Manibhadra]. A Mong. manuscript. Ref. code — Mong E44, accession No. 693, pp. 1–20a (In Mong.).

ДМД1 — *Dom-muzej C. Damdinsurjena* [The historic house museum of Ts. Damdinsüren]. *Mani bhadra qan köbegün-ü tayujı orošibai* [The story of prince Manibhadra]. A Mong. manuscript. Ref. code — A5–82 (МН–576), 23 p. (In Mong.).

ДМД1 — *Dom-muzej C. Damdinsurjena* [The historic house museum of Ts. Damdinsüren]. (The first page missing) <...> *qayan-u jarliy činglejü linqua-tu nayur kemekü bölüge* [<...> They listened to orders

- of the king. [There] was a lotus lake]. A Mong. manuscript. Ref. code — III1–34 (MH–207), 20 p. (In Mong.).
- IJaL — *Biblioteka Instituta jazyka i literatury AN Mongolii* [The Library of the Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences]. *Manibadara qan köbegün Manihri qatun qoyarun tuyuji-yi orošiyulbai* [The story of prince Manibhadra and lady Manihri]. A Mong. manuscript. Accession No. 538, 46 p. (In Mong.).
- MNB — *Mongol'skaja Nacional'naja Biblioteka* [The National Library of Mongolia]. *Kürdü orčiyluyči qayan Norson kümün-ü yirtinčü-yin oron-du qubilyan qatun Idbrogma-luy-a qoosa niyilegsen čadig orosiba* [The jataka [telling] about how chakravartin-prince Norsan met Idbrogma lady in the human realm]. A Mong. manuscript included in collection. Ref. code — 895.4, H.749.5, pp. 1a–8b (In Mong.).
- References**
- Bertagayev T. A. *K genezisu nekotoryh padezhej v mongol'skih yazykah* [On the origins of some cases in Mongolian languages]. *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii. Vyp. 83. Mongolovedenie i tyurkologiya* [Brief reports of the Institute of Asian peoples. Iss. 83. Mongolian and Turkic studies]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1964, pp. 41–45 (In Russ.).
- Mirzaeva S. V. *O krugе pis'mennyh mongol'skih i ojratskih versij «Povesti o careviche Manibadre»* [About written Mongolian and Oirat versions of the “Story of prince Manibadra”]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies]. Iss. 7. Elista, KIGI RAN (Kalmyk Institute for Humanities of the RAS) Publ., 2014, pp. 89–97 (In Russ.).
- Orlovskaya M. N. *Yazyk “Altan tobchi”* [The language of “Altan tobchi”]. Moscow, Nauka Publ., Chief Editorial Board for Oriental Literature, 1984. 236 p. (In Russ.).
- Orlovskaya M. N. *Yazyk mongol'skih tekstov XIII–XIV vv.* [Language of Mongolian texts of the 13th–14th cc.]. Moscow, Institute of Oriental Studies, 2000, 182 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. I. *Vvedenie v altajskoe yazykoznanie: morfologiya* [An introduction to Altaic linguistics: morphology]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1957, 253 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skih yazykov. T. 1* [A Comparative Grammar of Mongolian languages. Vol. 1]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Grammaticheskie kategorii imennyh osnov v mongol'skih yazykah (semantiko-funkcional'nyj aspekt)* [Grammatical categories of nominal bases in Mongolian languages (semantic and functional aspect)]. Elista, Kalmyk State University Press, 2009, 282 p. (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts .B. *Buryatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Buryat historical records and genealogical tables (a historic and linguistic research)]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1972, 662 p. (In Russ.).

УДК 811.512.33

О ПАДЕЖНОЙ ПАРАДИГМЕ В ПАМЯТНИКЕ МОНГОЛЬСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII-XVIII ВВ. «ПОВЕСТЬ О ЦАРЕВИЧЕ МАНИБАДРЕ»

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ аспирант, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kundgabo@list.ru.

Аннотация. В статье описывается падежная парадигма классического монгольского языка на материале монгольских версий «Повести о царевице Манибадре» – одного из известных памятников буддийской переводной литературы. Для анализа привлечены шесть текстов на монгольском письме: пять рукописных версий «Повести...» и один текст из ксилографического издания Ганджура из хранилищ г. Санкт-Петербурга и г. Улан-Батора. На материале указанных текстов рассмотрена падежная парадигма классического монгольского языка, включающая девять паде-

жей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, орудный, исходный, совместный и соединительный. В статье приводятся основные значения и синтаксические функции падежей, снабженные примерами из текстов «Повести...». Также описаны особенности использования падежных форм в рассматриваемых текстах: в частности, в каноническом тексте КГ из Ганджура отмечается использование формантов родительного (*-i*) и дательно-местного (*-da* / *-ta*) падежей, характерных для текстов более раннего периода, а также активное применение местного падежа, который в классическом языке становится менее употребительным. Подобные примеры позволяют нам сделать предположение о том, что текст КГ был составлен раньше других привлеченных текстов, вероятнее всего, на рубеже XVI–XVII вв., когда только устанавливались нормы классического монгольского языка. Кроме того, в статье приводятся примеры из текстов «Повести...», являющихся переводами с тибетского, которые характеризуют использованную монгольскими переводчиками технику дословного перевода, а именно: следование тибетскому синтаксису и морфологии.

Ключевые слова: монгольская средневековая литература, повесть, царевич Манибадра, парадигма, падежи.